

В. Крылов
Казань

О перипетиях литературной славы и успеха К. Д. Бальмонта (к изучению литературной репутации поэта)

Начало XX века отмечено важными процессами в литературной жизни, среди которых, прежде всего, выделяется невиданный взлет статуса писателя в общественном сознании.

Жорж Нива отмечал: «Лишь в начале XX века писатель становится настоящим профессионалом, представителем самостоятельного сословия творческой интеллигенции. Благодаря многочисленным журналам, книгам, литературным вечерам и рецензиям в периодической печати этот литератор нового типа делается любимцем публики, чьи сочинения стремятся напечатать крупнейшие ежедневные газеты, подлинной “звездой” массовой информации».¹

Эти процессы связаны и с бурным развитием журналистики, прессы. Б.М. Эйхенбаум подчеркивал, что в это время «русская литература обростала прессой. Писательство становилось распространенным занятием, массовой профессией, обслуживающей разнообразные вкусы и требования общества».²

Постоянными в статьях и переписке становятся рассуждения о литературной славе, о моде, о литературных репутациях³ и о тех механизмах, которые обеспечивают успех писателю. В современных исследованиях социологии литературной жизни эпохи серебряного века справедливо отмечается, что «публика того времени вообще склонна была к сотворению литературных кумиров и по очереди носила на руках и разрывала на сувениры шляпы и платки Горького, Андреева, Бальмонта, Северянина, Собинова, Шаляпина, Качалова. Потому в каждом случае необходимо определить истинное значение того или иного литературного явления или события в максимально широком контексте».⁴ Не стоит преувеличивать или преуменьшать значение того или иного крупного писателя в жизни эпохи, поскольку его образ сосуществовал в сознании читателя рядом с образами других писателей и деятелей искусства.

В аспекте отмеченных тенденций можно исследовать и историю литературной репутации Бальмонта. Мы будем обращать внимание на те источники (в основном это литературная критика, но привлекаются и другие источники – пародии, шаржи, свидетельства читательской популярности и т. д.), которые характеризуют роль и место Бальмонта в русской литературе, где говорится о литературном успехе поэта, но ограничимся дореволюционным периодом, не претендуя на исчерпывающую полноту картины.

Автор вступительной статьи к недавно вышедшей книге «Константин Бальмонт глазами современников» Л.Н. Таганов отмечает, что мемуарные и дневниковые тексты запечатлели «триумфально-скандальное вхождение Бальмонта в русскую литературу, невероятный успех его первых поэтических книг, начиная со сборника “Под Северным Небом” (1894)».⁵

Здесь, видимо, следует, внести некоторую корректировку, попытаться выявить этапы истории литературной репутации поэта, ведь «литературная репутация писателя – это всегда процесс, а не что-то статичное и закрепившееся».⁶ При этом мы опираемся на определение литературной репутации, сформулированное А.И. Рейтблатом: «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя <...> существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику».⁷

Откликаясь на выход первой книги Бальмонта «Под Северным Небом» (1894), А. Вольнский писал: «Г. Бальмонт выступает на литературное поприще довольно своеобразно. Соединив несколько коротеньких стихотворений, он выпускает их небольшою книжечкою в изящной обертке, с пышным заглавием: “Под северным небом”. Ничтожная цена в 50 к., хорошая бумага, несколько страниц для быстрого и легкого чтения – все здесь по плечу среднему читателю. Таких книжек можно в течение года выпустить целый десяток, и каждая из них должна принести известную пользу. Газеты будут отзы-

ваться о новых и новых томах произведений молодого стихотворца, снисходительные журналы помянут его более или менее поощрительными словами. В каких-нибудь два года можно, при усидчивости и настойчивости, при железном терпении, опередить на пути славы все современное поколение поэтов. Под всем северным небом не будет человека более популярного, чем поэт, издающий свои оригинальные произведения небольшими, но непрерывно следующими друг за другом выпусками. Положительно можно сказать, что в славе г. Бальмонта потонут все мелкие репутации современных деятелей печати. Настоящая книжка – только начало большого литературного предприятия, в некотором роде поэтическая угроза сверстникам и товарищам: вот посыплется, как из рога изобилия, новые и новые книжки, вот г. Бальмонт станет героем дня». ⁸ Если убрать из этой оценки некоторый иронический тон и упоминания об ожидающихся в течение года нескольких книжках, то в прогнозе Волынского многое вскоре сбылось.

И, действительно, множество мемуарных свидетельств доносят до нас впечатления того сильного влияния, которое оказал Бальмонт на молодое поколение любителей «новой» поэзии. Почти все современники говорили о невероятной славе Бальмонта.

Вот известное признание Н.А. Тэффи: «К Бальмонту у нас особое чувство. Бальмонт был наш поэт, поэт нашего поколения. Он наша эпоха. К нему перешли мы после классиков, со школьной скамьи. <...> Теперь некоторым начинает казаться, что не так уж велик был вклад бальмонтовского дара в русскую литературу. Но так всегда и бывает. Когда рассеется угар влюбленности, человек с удивлением спрашивает себя: “Ну чего я так бесновался?” А Россия была именно влюблена в Бальмонта. Все от светских салонов до глухого городка где-нибудь в Могилевской губернии знали Бальмонта. Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры нашептывали его слова своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадки». ⁹

По свидетельству В. Вейдле, «слава Бальмонта началась в год – 1895 – когда я родился, была уже в упадке, как и его талант, когда я в году девятьсот восьмом или девятом стал приохочиваться к чтению стихов, конечно, я о нем узнал, его читал, но того чувства, с каким его читали чуть постарше современники мои, покуда я пешком под

стол ходил, я себе не представлял, и стихи его не то чтобы отталкивали меня, а вовсе меня не задевали».¹⁰

Г. Адамович, (опять-таки в статье 1925 года) цитируя «Все мне грезится море, да небо глубокое, / Бесконечная грусть, безграничная даль», отмечал, что «у людей останавливалось дыхание, когда они читали это, и слезы появлялись на глазах». «Не надо упрекать их, если порой они говорили, что это “выше Пушкина”. Они слышали в этих строках то, чего Пушкин им дать не мог».¹¹ И. Эренбург напоминал молодым советским читателям, что в «начале XX века нельзя было найти студента, не знакомого если не со стихами, то, по крайней мере, со славой Бальмонта».¹²

Можно привести еще немало признаний, иллюстрирующих воздействие поэзии Бальмонта на читателей (особенно на молодых любителей поэзии и вообще на молодежь, но нельзя не обнаружить такой фактор, способствующий популярности поэта, как общность психологического и эмоционального опыта читателя и писателя и совпадение «горизонта читательских ожиданий»). Как это выражено в воспоминаниях поэтессы Веры Звягинцевой: «Мне, 15–16-летней провинциалке, не дошедшей до Пушкина, а доведенной сентиментальностью учителей словесности до Надсона и Апухтина – это было откровением. Во-первых, я тоже не намеревалась жить настоящим, во-вторых, в качаньи и легкости этих строк, да еще гонимых почтенным “Русским богатством”, мне чудилась какая-то магия».¹³

И. Одоевцева назвала Бальмонта первым поэтом-модернистом, способным очаровать и потрясти.¹⁴ В книге «На берегах Сены» она вспоминала, что Бальмонт моментально прославился в 1894 году на всю Россию своей второй книгой стихов «Под Северным Небом», «стал настоящим кумиром не только читателей, но и поэтов, и критиков», «властителем дум и душ того времени», «критика превозносила его до небес и ждала от него еще бесконечно многого».¹⁵

Все эти мемуарные тексты требуют исторической корректировки. Во-первых, все они в большинстве написаны современниками Бальмонта, но начальный этап формирования его известности они не застали. Во-вторых, суждения мемуаристов о славе Бальмонта (понятой как некое уже состоявшееся явление) не совсем соотносятся с тем, что мы знаем об отношении к писателю в критике, где даже внутри одного литературно-критического направления не обнаруживается единства.

Уже в 1890-е годы можно зафиксировать целый ряд социокультурных показателей популярности Бальмонта, таких, как избрание в 1893 году действительным членом Общества любителей Российской словесности (как скажет позже Андрей Белый: «академик, с которым считались старцы»¹⁶), успешные выступления с лекциями, участие в концертах и литературных вечерах с чтением своих стихов, он попадает в «Галерею русских писателей» (1901), где характеризуется как «выразитель пассивных, неясных, вечно колеблющихся настроений, Бальмонт не имеет себе соперников среди современных поэтов»¹⁷ (а позднее это и кружки бальмонтистов и бальмонтисток, которые пытались подражать ему и в жизни, и в поэзии). Своеобразной материализацией славы Бальмонта станут портреты Бальмонта, среди них были М.А. Дурнова (1900), В.А. Серова (1905), Л.О. Пастернака (1913). По свидетельству многих современников и по выводам современного исследователя институциональной стороны символистского движения, книги «Под Северным Небом» и «В Безбрежности» вошли в список широко читавшихся произведений русских писателей.¹⁸ «Бальмонт стал первым признанным широкой аудиторией символистским поэтом».¹⁹

Среди близких себе поэтов Бальмонт завоевывает репутацию лидера. В «Материалах для биографии» Андрей Белый отмечает, что в июне – сентябре 1897 года «Бальмонт, мне еще мало известный, становится для меня любимейшим поэтом».²⁰ В. Брюсов в письме к П.П. Перцову от 19 июля 1896 года заявляет уже о появлении в литературе «школы Бальмонта» и называет поэтов, которые «перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями, – и самую сущность его поэзии: погоню за оригинальными выражениями, за новыми выражениями во что бы то ни стало; вместе с тем, все они, как и Бальмонт, чистые романтики».²¹

Но вместе с тем в 1890-е годы Бальмонт разделяет и общее для ранних символистов отторжение критикой. В письме Брюсова к Перцову появляется замечание, что Бальмонта у нас осуждают потому, что «истинно современный дух поэзии у нас некому оценить».²²

В уже упомянутой рецензии А. Волынского говорилось о подражательности Бальмонта, отсутствии искренних и глубоких чувств, а в конце звучало пожелание: «Мы пожелали бы молодому стихо-

творцу побольше литературной серьезности, побольше уваженья к своим собственным скромным способностям. Пусть он трудится над отделкою стиха, но пусть не думает, что перезвон рифм и начальных букв, при бедности духовного содержания, может иметь какое бы то ни было значение. <...> Пусть не бегают за славой: слава убегает от тех, которые кладут на ее алтарь ничтожные замыслы, не очищенные от себялюбивых мечтаний, и вместо вдохновения, страсти, высоких, безрасчетных порывов, вносят в литературу дух рассудочности, мелких забот и легкомысленной подражательности модным талантам».²³

В рецензии критика Н. Коробки книга «В Безбрежности» была названа «талантливым произведением упадочничества»,²⁴ но отмечался ее успех: «Книга эта в течение года выдержала два издания, что свидетельствует об успехе, редком для наших поэтов. Несомненно, у г. Бальмонта есть поклонники и почитатели, люди, которым близка и понятна его больная поэзия».²⁵ А причина успеха видится критику в том, что «мы имеем дело не с индивидуальной душевной расшатанностью, а с болезнью известной части общества, выразителем которой явился наш поэт».²⁶ От творений упадочников, талантливым представителем которых на русской почве явился Бальмонт, по мысли критика, «веет могильным холодом, но они иногда так красивы, что невольно влекут к себе, иногда так талантливы, что могут производить сильное впечатление, даже на трезвого человека, пока он не успеет дать себе отчета в их сущности», а «наша русская действительность представляет собой крайне благоприятную почву для развития упадочничества во всех его формах».²⁷ Одна из характерных черт подобной поэзии – это «культ своего я, который поглощает в себе весь мир» и связанное с этим настойчивое «признание собственного величия».²⁸

А. Горнфельд в рецензии на книгу «В Безбрежности» упрекает Бальмонта в сознательном нагнетании неясности, в том, что «ложная» теория символизма тяготеет над его «бесспорным дарованием».²⁹ Рецензия завершается также своего рода предостерегающим призывом: «Все минется – и чайки, летящие “к безднам светлой безбрежности”, и туманные заглавия, и игра звукоподражаниями, и выдуманные сюжеты, и изысканные эпиграфы на всевозможных языках, и манерные эпитеты вроде “осторожного ущелья” или “чутких

скал”, и прочие уловки “высокого штиля”, подражания и кокетства – все минется: должна остаться одна правда. Что, если за вычетом всех этих ухищрений ее не окажется?».³⁰

На узко-эгоистическом характере поэзии Бальмонта настаивал и П. Краснов: «этот мотив – прославление эгоистической жизни только для себя – повторяется ... во многих стихотворениях ... и приводит в конце концов к мятежным стремлениям к безбрежному»³¹ (из рецензии на сборники «Под Северным Небом» и «В Безбрежности»).

Но в начале XX века П. Краснов вынужден был признать, что «К.Д. Бальмонт блистательно оправдал ожидания, возбужденные первым выпуском его стихов, Бальмонт открыто поднял в России знамя той неоромантической школы, которая цветет на Западе»,³² а в 1905 году сказать, что Бальмонт «из всех современных поэтов наиболее популярный, «он отразил в своих песнях и образах настроения современного молодого общества – отчаяние под гнетом бессмысленных обстоятельств, жажду забыться в области фантазии красоты и, наконец, потребность в освобождении личности, скованной условной моралью»³³ (но в последних сборниках сказалось «вредное влияние» на поэта школы символистов, что проявилось в большей вычурности, в равнодушии к общественной жизни; 3 последних сборника «Будем как Солнце», «Только Любовь» и «Литургия Красоты» «свидетельствуют об упадке таланта»³⁴).

В критике начала XX века стихи Бальмонта стали нередко использоваться в обобщающих статьях, посвященных современной поэзии, как доказательство исключительной, необычайной «самовлюбленности и безумной гордости»,³⁵ характеризующей декадентство. Так, большая часть статьи А.И. Покровского в «Русском вестнике» (1904) строится на примерах именно из Бальмонта.³⁶

В истории критической рецепции Бальмонта нельзя обойтись без выступлений «литературного хулигана» В.П. Буренина. Фельетоны Буренина закрепили в читательском восприятии образ Бальмонта как самовлюбленного поэта, крайнее воплощение эгоцентризма. В 1900 году большую часть очередного выпуска «Критических очерков» в газете «Новое время» он посвятил книге «Горящие Здания».

Новая книга Бальмонта, по словам Буренина – это проявление все того же «наглого кривлянья и ломанья», которое сегодня в моде.

Охотно признавая за Бальмонтом поэтический темперамент, владение стихом и, немного поиздевавшись над качеством его переводов («по-каковски это? Как будто по-чухонски? А может быть по-китайски? Вернее всего по-декадентски. Только, во всяком случае, не по-русски»), он обращается к оригинальным стихотворениям, относит их к разряду произведений «по ту сторону здравого смысла». Он выписывает отрывок из одного стихотворения (из цикла «В душах есть все»), сопровождая его таким уничижительным комментарием: «Читатели согласятся, что стихотворец, дошедший до сочинения таких хорошеньких куплетов с гнилыми хохотами чумы, тигровыми страстями и змеинными чувствами, с сомнениями в том, его ли создали толпы глупцов с животнo-мерзкими лицами, или он создал этих глупцов, с сомнениями в том, что поэт ли он или побег пня, – читатели согласятся, что такой стихотворец внушает серьезные опасения».³⁷

Особое внимание Буренина привлекает стихотворение «Воспоминание о вечере в Амстердаме». Сопроводив полный текст стихотворения в некоторых местах вопросами, Буренин вопрошает: «Очень хорошо, не правда ли? И главное то хорошо, что можно читать эту пьесу и с конца... Попробуйте, и вы увидите, что получится то же самое, т. е. набор случайных фраз для случайных рифм, приходящих в голову стихотворцу... Вот г. Бальмонту почему-то вспомнился Амстердам, и он принялся городить вздор об этом почтенном городе. Но для чего было лететь фантазией в далекую Голландию? Поэт мог и о любом русском городе нагородить рифмованный вздор. Положим, ему подвернулся бы Вышний Волочок».³⁸ И Буренин включает в статью, ставшую потом известной, пародию «Воспоминания о вечере в Вышнем Волочке».

В драматических сценах «Домашний театр “Нового времени”». Литературные чтения и собеседования в обществе “Бедлам модерн”» Буренин будет высмеивать в пародийной форме попытки Брюсова объявить Бальмонта лучшим поэтом современности (по существу, это пародия на статью Брюсова «Бальмонт» в «Мире искусства»³⁹).

Когда начинается обсуждение поэтического «шедевра» одного из членов собрания Гордого-Безмордого, то поэт Валерий Противоестественный усматривает в новом сочинении подражание «знаменитейшему шедеврo величайшего из поэтов нашего века Демона Демо-

новича Бальмонта “Художник-дьявол”». ⁴⁰ И заключает: «...недаром другой, ему подобный, хотя еще и не равный, гений поэзии, г. Валерий Брюсов, у которого тоже “порядок мозгов” довольно основательно перевернут, недаром он кричит во всю ивановскую, что Бальмонт “среди современных поэтов бесспорно самый значительный – и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу”; что пред ним действительно “все другие поэты предтечи”, что “равных Бальмонту в искусстве стиха в русской литературе не было и нет”, что даже лермонтовские стихи “совершенно меркнут перед лучшими песнями Бальмонта”, что с ним Пушкин даже не может равняться, так как у Бальмонта пушкинский “усовершенствованный” стих». ⁴¹

Образ самовлюбленного поэта, когда черты лирического героя переносятся и на биографическую личность, начинает широко тиражироваться.

Так, в юмористическом стихотворении Тэффи «Новый год у писателей» дан остроумный групповой портрет современных литераторов, среди которых представлен и Бальмонт. Каждый из них, представляясь новому 1902 году, говорит о себе, и с помощью этого приёма Тэффи пародирует стиль и характеры.

Новый Год (всматриваясь, в Бальмонта).

Кто этот странный господин,
Что гордо так стоит – один?

Бальмонт.

Я? – Я – Бурениным гонимый,
Я – новый бог земли родимой,
Я – переплеск, я мрако-свет,
Пушистый, чистый, серебристый,
Хромой, немой, но голосистый
Перебальмонт, перепозт!

Новый Год.

Ах, как я рад знакомству с вами;
Вы превеселый человек!
Украстье-ж мой короткий век
Своими вы перестихами. ⁴²

В стихотворении «Весенний отлет» (1902) Тэффи в пародийной форме описывает отъезд писателей в летний отпуск по железной дороге. Здесь остроумно передается диалог Бальмонта, говорящего стихами и не понимающего поэзию кондуктора, который всякий раз буквально понимает тот или иной образ и пытается определить поэта в определенный тип вагона.

Бальмонт (медленно подходит и, остановившись перед кондуктором, декламирует).

Я как ландыш, бледнея цвету,
Я – как ветка сирени мечтаю,
Я – как снег, кувыркаюсь лечу,
Полежу, полежу и растаю...
Я меняю и образ, и форму;
Я и лед, и лобзанье, и яд...

Кондуктор (испуганно).

На другую пройдите платформу
Вас там в ледник-вагон поместят.

Бальмонт.

Птицей, мощной, полнощной летаю,
Я тревожу неправедный сон,
Перепелкой по нивам порхаю.

Кондуктор.

Так, пожалуйста, в птичий вагон.

Когда Бальмонт называет себя «чужеядным растением», кондуктор теряет терпение и ничего не может понять, на что Бальмонт с достоинством отвечает:

Мои слова всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,
Как в час предутренней звезда!
Они летят и налетают,
Как вихрь, как буря, как циклон!..⁴³

Традиция представления комического образа Бальмонта активно продолжится в 1900–1910-е годы: он становится героем различных

фельетонов, пародий, шаржей, карикатур, само необыкновенное количество которых говорит о его славе в этот период.

В юбилейный для Бальмонта 1912 год (25-летие литературной деятельности) в постоянной рубрике журнала «Шут» «Галерея наших современников» помещен шарж Яна Тома. Бальмонт изображен играющим на лире, которая стоит на внушительной стопке книг поэта. Шарж сопровождается надписью: «Величайший поэт XX-го века. Побил рекорд продуктивности и усидчивости... “Я каждый миг исполнен откровенья, / Всегда пою!” – говорит он про себя. Выпустил несчетное число крупных и мелких сборников своих стихотворений, поэт не выдержал и воскликнул: “Кто равен мне в певучей силе?! И затем сам ответил: Никто! Никто!” (стих. “Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...”»⁴⁴

В известной книге пародий и шаржей А.А. Измайлова «Кривое зеркало» (1908) пародия на Бальмонта находится в соседстве с пародиями на З. Гиппиус, В. Иванова, С. Городецкого, А. Блока, М. Кузмина, Андрея Белого и др.

Бальмонт становится героем и разных скандальных публикаций, отзвуки одной из которых отражены в книге Е. Венского «Мое копыто (книга великого пасквиля)». 3 августа 1909 года на страницах газеты «Речь» К. Чуковский уличил в плагиате Бальмонта, обнаружив в его статье «Певец жизни», которая была опубликована в «Весях» еще в 1904 году, незакавыченные цитаты из книги Джона Симондса об Уитмене.

Отголоски обвинений Чуковского в адрес Бальмонта Е. Венский (Е.О. Пяткин) «выплеснул» и в «Моем копыте» в пародии на Бальмонта. Это как бы двойная пародия: в ней высмеивается стиль лирики Бальмонта (легко узнаваемы стихотворения «Хочу», «Я – изысканность русской медлительной речи»), но одновременно содержательный пласт пародии включает комический образ Чуковского-критика:

Корней Чуковский!.. О критик «Венский»!
К чему ты тронул Парнаса monde?
Ведь я не Горький и не Каменский,
Не Лев Толстой я, а... сам Бальмонт!
Чего ж ты поднял, Корней сердитый,
О, ядовитый, — кругом пургу?

Тобой убитый, в край ледовитый
Я, знаменитый, не убегу.
О, плагиатность, моя халатность,
О, перепевность чужих статей...
Чуже-слиянность, о интендантность,
О, гонорарность статьи моей!
О, век ревизий, исканий, сыска! О, Нат-Чуковский!..
Сходи к врачу!
Ты истеричен, как суффражистка.
Сходи скорее! Я так хочу!⁴⁵

О своеобразной практической «востребованности» Бальмонта свидетельствует и такой курьезный случай, описанный в «Известиях по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф», под заглавием «Бальмонт – как средство против зубной боли»:

«В селе Островах, Могилевской губ., учительница церковно-приходской школы как-то вечером читала вслух сборники стихов Бальмонта “Зовы”; тут же рядом, в кухне, находилась старуха, сторожиха этой школы, у которой как раз в это время болели зубы. Учительница, увлекшись чтением, громко произносила смелые, подчас странные обороты поэта. Старуха внимательно вслушивалась в совершенно непонятные ей слова с уверенностью, что учительница этими непонятными словами “заговаривает” ей зубы, так как только что перед этими она жаловалась учительнице на сильную зубную боль. Каково же было недоумение учительницы, когда через некоторое время старуха вошла в комнату и со слезами начала благодарить:

“Помогло, голубушка... помогло, дорогая... Век Богу буду молиться”.

Несмотря на серьезные пылкие разуверения учительницы, что это простая случайность, что стихи не имеют никакого отношения к зубной боли, на следующий день слава “учительницы-заговорщицы” разнеслась по всему селу. В этот же день <...> две бабы, плача, просили помочь – “заговорить”, обещая отблагодарить подарочком – принести курочку; яичек...».⁴⁶

Тем не менее, в критике (а потом как ретроспективное отражение – и в мемуарах) примерно с начала 1900-х годов,⁴⁷ а затем все настойчивее, мустируется вопрос о «конце» Бальмонта, о его упад-

ке, о том, что его путь идет по нисходящей линии, его дар мельчает, начинается «спуск на тормозах славы»⁴⁸ (И. Одоевцева), он становится «графоманом, страдающим болезнью недержания стихов»,⁴⁹ «пародистом на самого себя»,⁵⁰ новые его стихи «можно читать только из сострадания».⁵¹

Усиливаются нападки в печати, попытки оспорить прежние заслуги. Характерны в этом отношении статьи К. Чуковского. Оценив по форме стихи Бальмонта как «замечательное явление в русской литературе», Чуковский настаивал: «Теперь они кажутся деланными и однообразными. Но недавно, когда после Надсона и Апухтина литературные вкусы пали, и в русской поэзии, наподобие осенних мух, вяло бродили такие ненадежные стихослагатели, как Аполлон Коринфский, Иван Белоусов, Леонид Афанасьев и множество других, не оставивших после себя ни одного стиха, ни одного небанального чувства, – когда после них вдруг затрещали и завальсировали бальмонтские рифмы и послышались бальмонтские размеры – поистине произошла литературная революция»,⁵² но «с течением времени открылось еще одно свойство этих городских стихов: они поверхностны».⁵³

Интересно, что и В. Брюсов, испытавший большое влияние Бальмонта, в обозрении 1906 года «Новые сборники стихов» заявил «В течение десятилетия К. Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией. Другие поэты или покорно следовали за ним, или с большими усилиями отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния. Но расцвет творчества Бальмонта уже в прошлом. Высшей точкой, которой достиг он в своем победном шествии, были “Горящие Здания”».⁵⁴

Поднимается и такая проблема: поэзия Бальмонта, да и сама его поэтическая репутация пострадала от массового увлечения, от пошлости. Как сказал Чуковский, теперь через десять лет после Бальмонта каждый пишет, как Бальмонт и, что хуже всего, Бальмонт пишет, как каждый».⁵⁵ Эту особенность фиксируют и читатели-любители поэзии. «Глубоко презираемы были те, кто тщетно пытался постигнуть утонченность новой поэзии. Надо было остерегаться вульгаризации; пускай рядовой читатель любил поговорить о Бальмонте, посвященные знали, что имя поэта произносится: Бальмо́нт.

Впрочем, и Бальмонт скоро был взят под подозрение. Дешевая магия его безудержного словесного потока разоблачалась без труда». ⁵⁶

Объяснение этому нужно искать, прежде всего, в изменении положения символизма на литературной арене. «На третьем этапе (начиная примерно с 1906 года) шла инфильтрация символистов в “общую литературу”, “символисты становятся модными”, интерес к ним проявляют широкие общественные круги». ⁵⁷

Вопрос о падении популярности поэзии Бальмонта, на наш взгляд, связан напрямую и с важной проблемой, обсуждавшейся в русской прессе – о падении интереса к поэзии вообще. В 1913 году редакция журнала «Вестник литературы» (изд. т-ва М.О. Вольф) организовала специальную анкету, посвященную выяснению положения современной поэзии. В редакционной статье говорилось: «...мы являемся свидетелями того факта, что любовь к поэзии падает с каждым днем, что поэтов все меньше и меньше читают, а книги их совершенно не расходятся», хотя «русские поэты достигли небывалого технического совершенства, небывалой виртуозности, издают свои книги с небывалым изяществом, а общество не обращает на них никакого внимания». ⁵⁸

В одном из развернутых ответов на вопросы анкеты, присланной читателем, это явление называлось не новым. «Если не считать короткого периода так называемого “завоевания политических «свобод»”, когда у общества повысился, между прочим, интерес и к современной поэзии, явление это насчитывает за собою не один десяток лет, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что начало его совпадает с развитием в русской литературе пресловутой декадентщины, пересаженной на отечественную почву с Запада еще в 90-х годах прошлого столетия». ⁵⁹ Автор особенно подчеркивает, что «заметного понижения интереса к “старым” идейным поэтам в современном русском обществе не наблюдается» ⁶⁰ <курсив наш. – К. В.>. Причины читатель видит прежде всего в том, что современные поэты «погрузились в пучину того жалкого (но, повторяю, по форме порою прекрасного), безнадежного, беспринципного индивидуалистического нытья и эстетического кривлянья, которыми набито большинство толстых, серьезных и несерьезных журналов, серьезных и несерьезных газет и тех изящных сборников, что томятся в плену книжных складов и книжных магазинов». ⁶¹

В этой ситуации Бальмонт вряд ли мог сохранять прежнюю планку популярности. Однако поразительно, что хотя критика и писала о «конце» Бальмонта, падении его таланта, все же в кругу читателей он продолжал вызывать неподдельный интерес. Несмотря на то, что, как констатировал А. Измайлов, «слава Бальмонта сейчас не на той высоте, на какой она стояла не столь давно»,⁶² но по результатам анкеты «Существует ли интерес к новейшей русской поэзии?», организованной редакцией журнала «Вестник литературы» (1913), Бальмонт признан «наиболее выдающимся», он набрал 2361 голос, опередив Бунина (2115), Фофанова (2003), Брюсова (1384). Мережковского (1018), Сологуба (917), Блока (429).⁶³ В сообщениях о возвращении Бальмонта в Россию в 1913 году можно было прочитать следующее:

«Возвратился 6 мая в Москву из изгнания поэт К.Д. Бальмонт со своею семьею. На вокзале он был встречен В. Брюсовым, Б. Зайцевым и многими другими видными литературными деятелями и массой почитателей. При выходе из вагона Бальмонт был заброшен живыми цветами. Полиция предупредила, что никаких речей не будет допущено. Тем не менее, одному из встречавших удалось произнести следующий экспромт:

– Из-за туч Солнца луч –
Гений твой.
Ты могуч,
Ты певуч,
Ты – живой».⁶⁴

Но потом, по словам Б. Зайцева, времена изменились, «все эти чтения, детские чудачества, “бальмонтизм” и бальмонтистки кончились – наступили суровые, страшные годы войн, революций».⁶⁵

Справедливости ради нужно заметить, что не вся критика была подвержена мифу о падении таланта Бальмонта. С.А. Венгеров писал о расцвете таланта Бальмонта, о том, что «Бальмонт и Горький родные братья по яркости чувствования, по презрению к окружающему, по уверенности в своей силе».⁶⁶

Е. Аничков в юбилейной (к 25-летию литературной деятельности Бальмонта) статье пишет о том, что Бальмонт находится в «беспрерывном движении».⁶⁷ О значимости поэзии Бальмонта писал

Е. Аничков и в одной из монографических глав «Русской литературы XX в. (1890–1910)» (под ред. С.А. Венгерова).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что популярность Бальмонта, конечно, не была столь масштабной, как, например, Чехова, Горького или Л. Андреева. Его известность, собственно, и не могла быть столь значительной: ведь число читателей символистской поэзии было неизмеримо меньшим, чем у авторов-прозаиков. Но все же именно Бальмонту удалось первым оказаться в пантеоне русских символистов и закрепиться в нем, несмотря на все перипетии поэтической судьбы. «Случай» Бальмонта – это пример т. н. «ускоренной» репутации, которыми обогатил литературный процесс Серебряный век. В начале века многие писатели достигали быстрой и шумной известности, несравнимой с темпами XIX века. Вспоминая прежние времена и сравнивая их с нынешними (эпохи т. н. «ускоренных» репутаций), А. Измайлов заметил, что «ни о Пушкине, ни о Гоголе у нас, ни о Гюго во Франции, ни о Диккенсе в Англии – никогда не появлялось сотой доли тех сообщений, слухов, сплетен, выдумок, какими совершенно и со всех сторон обросло имя модного писателя»⁶⁸ (речь шла о Л. Андрееве), а современным «уличным скандалистам» «платили гонорары, какие не снились Тургеневу и Фету, и их имена печатали жирным шрифтом, как имена примадонн и премьеров».⁶⁹ В критических статьях, пародиях, шаржах, огромное количество которых само по себе говорит о славе поэта, в разной форме обыгрывались автохарактеристики поэта, а представления читателей (критиков) о Бальмонте как о конкретной личности, его бытовом поведении объективно влияли и на понимание его творчества, и на тот образ художника, который закреплялся в общественном сознании. Вместе с тем, с одной стороны, его репутация пострадала от массового увлечения, моды, с другой, – критика, ненадолго признав Бальмонта самым популярным среди современных поэтов, вскоре стала внедрять в литературное поле суждения об упадке его поэтического таланта, его «конце». Но представления критики и читательское восприятие по отношению к Бальмонту заметно расходились. Сопоставление материалов литературной критики, свидетельств читательской популярности, пародий и других источников позволяет показать, что все же поэзия Бальмонта была востребована на всем протяжении 1890–1910-х годов.

¹ *Нива Ж.* Статус писателя в России в начале XX века // История русской литературы: XX век : Серебряный век / Под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды. М., 1995. С. 610.

² *Эйхенбаум Б.М.* Мой современник. Художественная проза и статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 120–121.

³ Проблема литературных репутаций становится одной из ключевых в книге А.А. Измайлова «Пестрые знамена» (1913), где он на конкретных примерах судеб писателей рассуждает о «раздутых» и «пониженных», медленно создававшихся репутациях, а также репутациях, в создании которых наименьшее место отводится удаче. В начале XX века усиливается роль критики в создании репутации писателя, в возможном усилении средствами критики воздействия произведения искусства на публику, в формировании и закреплении его успеха (как в положительном, так и в отрицательном смысле).

⁴ *Бушканец Л.Е.* А.П. Чехов и русское общество 1880–1917 гг.: формирование литературной репутации: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. С. 20–21.

⁵ Константин Бальмонт глазами современников. СПб., 2013. С. 11

⁶ *Бушканец Л.Е.* Указ. соч. С. 21.

⁷ *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 51–52.

⁸ *Волынский А.Л.* Борьба за идеализм. СПб., 1900. С. 383.

⁹ *Тэффи.* Смешное в печальном. М., 1992. С. 435–436.

¹⁰ Константин Бальмонт глазами современников. С. 410.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Там же. С. 294.

¹³ Там же. С. 73.

¹⁴ Там же. С. 426.

¹⁵ Там же. С. 428–429.

¹⁶ Там же. С. 102.

¹⁷ Галерея русских писателей. М., 1901. С. 512.

¹⁸ *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 209–210.

¹⁹ Там же. С. 310.

²⁰ Литературное наследство. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические сведения. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. М., 2016. С. 43.

²¹ Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894–1896 (к истории раннего символизма). М., 1927. С. 78.

²² Там же. С. 65.

²³ *Волынский А.Л.* Указ. соч. С. 385.

²⁴ *Коробка Н.* Очерки литературных настроений. СПб., 1903. С. 2.

²⁵ Там же. С. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 1–2.

²⁸ Там же. С. 9, 19.

²⁹ Русское богатство. 1896. № 3. С. 42.

³⁰ Там же. С. 44.

- ³¹ *Краснов П.* Неоромантическая и мистическая поэзия // Книжки недели. 1897. № 11. С. 144.
- ³² *Краснов П.* Русский неоромантизм (характеристика К.Д. Бальмонта) // Литературные вечера «Нового мира». СПб.; М.: изд. т-ва М.О. Вольф, 1903. № 9. С. 542.
- ³³ *Краснов П.* Новые стихи Бальмонта // Вестник литературы. 1905. № 11. 8 июня. С. 233.
- ³⁴ Там же. С. 234.
- ³⁵ *Покровский А.И.* Современное декадентство пред судом вековечных идеалов // Русский вестник. 1904. № 6. С. 562.
- ³⁶ В той же функции стихи Бальмонта используются в обзорной статье Л. Горского «Декадентская поэзия на пути в Россию» (Вестник знания. 1903. №11. С. 78–84. В последней статье, конечно, не был обойден вопрос о самовлюбленности поэта, но он получал некоторое оправдание: «И не простительно ли г. Бальмонту, когда он в наивном восхищении собою заговаривается, что он первый открыл “тневные и нежные” звоны в русской речи. Пусть не первый, но что-то особенно певучее, благородно изысканное, слышится в его поэтической лире...» (С. 83).
- ³⁷ *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1900. № 8777. 4 (17) августа. С. 2.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ В статье «Бальмонт» («Мир искусства»). 1903. № 7–8) Брюсов писал: «Среди современных поэтов Бальмонт, бесспорно, самый значительный – и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу. Всем его современникам приходится заботиться прежде всего о том, чтобы не попасть в сферу его притяжения, сохранить самостоятельность» (С. 36).
- ⁴⁰ *Буренин В.П.* Горе от глупости. СПб., 1905. С. 68.
- ⁴¹ Там же. С. 71.
- ⁴² *Тэффи.* Новый год у писателей // Звезда. 1901. 29 декабря. № 52. С. 14.
- ⁴³ *Тэффи.* Весенний отлет // Звезда. 1902. № 22. С. 12.
- ⁴⁴ Шут. 1912. № 34. С. 10.
- ⁴⁵ *Венский Е.* Мое копыто. Книга великого пасквиля. СПб., 1910. С. 13.
- ⁴⁶ Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1913. № 8. С. 135.
- ⁴⁷ В критике нередко высказывались мнения, что спад Бальмонта начался с книги «Только Любовь».
- ⁴⁸ Константин Бальмонт глазами современников. С. 429.
- ⁴⁹ Там же. С. 426.
- ⁵⁰ *Эллис.* Русские символисты. Томск, 1996. С. 104.
- ⁵¹ *Чуковский К.И.* Собр. соч. В 15 т. Т. 7. Литературная критика. 1908–1915. М., 2003. С. 464.
- ⁵² *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 6. М., 2002. С. 47.
- ⁵³ Там же. С. 48.
- ⁵⁴ *Брюсов В.Я.* Среди стихов. М., 1990. С. 219.
- ⁵⁵ *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 6. С. 48.
- ⁵⁶ *Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010. С. 589–590.
- ⁵⁷ *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. С. 313.

⁵⁸ Вестник литературы. 1913. № 2. С. 55–56.

⁵⁹ *Барышевский К.* Русское общество и русские поэты // Вестник литературы. 1913. № 5. С. 137.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 140.

⁶² *Измайлов А.А.* Пестрые знамена. М., 1913. С. 75.

⁶³ Вестник литературы. 1913. № 5. С. 136.

⁶⁴ Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. С. 95. Совершенно контрастно процитированному прозвучали в «Опавших листьях» В.В. Розанова следующие размышления, рожденные, видимо, в связи с приездом Бальмонта в Россию: «Это какой-то *впечатлительный* Боборыкин стихотворчества. Да, – знает все языки, владеет всеми ритмами, и, так сказать, не имеет в матерьяле сопротивления для пера, мысли и воображения: по сим качествам он кажется *бесконечным*. Но *душа*? Ее нет у него: это – вешалка, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские. Лучше бы всего – цыганские: но их нет. Весь этот торжественный парад мундиров проходит перед читателем, и он думает: “Какое богатство”. А на самом деле под всем этим – просто гвоздь железный, выделки кузнеца Иванова, простой, грубый и элементарный. Его совесть? Об этом не поднимаю вопроса (*в окружном суде, дожидаясь секретаря, – о поэте Б-те*)» (*Розанов В.В.* Собр. соч. Листва. СПб., 2010. С. 111).

⁶⁵ Константин Бальмонт глазами современников. С. 321.

⁶⁶ *Венгеров С.А.* Основные черты истории новейшей русской литературы. 2-е изд. с прибавлением этюда «Победители или побежденные?» (о модернизме). СПб., 1909. С. 66.

⁶⁷ *Аничков Е.* Бальмонт // Запросы жизни. 1912. № 11. С. 681.

⁶⁸ *Измайлов А.А.* Литературный Олимп. М.: И.Д. Сытин, 1911. С. 239.

⁶⁹ *Измайлов А.А.* Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М.: И.Д. Сытин, 1910. С. 106.